

⁴⁸ *Olufsen O.* The Emir of Bokhara and his country. Journeys and studies in Bokhara. L., 1911. P. 581.

⁴⁹ *Айми С.* Бухара... Кн. 1. Ч. 1, 2. С. 103.

O.A. Solov'eva. Status Symbols in Bukhara Emirate in the XIXth Century

Political symbolic has always figured prominently in the research of traditional political culture. The author considers some status symbols, employed by administrative power in Bukhara emirate during the end of XIXth – beginning of the XXth cc. Special attention is given to some elements of traditional costume, which, being a sign of authority and prestige, has been used as means of visual communication between rulers and their subjects.

© 2002 г., ЭО, № 4

А.С. Балезин

НАМИБИЙСКИЕ НЕМЦЫ О СЕБЕ И СВОЕМ БУДУЩЕМ

В январе-феврале 2001 г. судьба вновь занесла меня в Намибию. Данная статья – результат повторного анкетирования намибийских немцев, проведенного через 10 лет после первого.

Так уж случилось в моей жизни, что я стал первым отечественным исследователем, получившим возможность работать в архивах и библиотеках Намибии. Было это в 1991 г., ровно через год после того, как эта страна на юго-западе Африканского континента стала независимой. До этого она значилась на картах как «территория, незаконно оккупированная ЮАР».

Предметом моих исследований в Намибии была история формирования и современное положение немецкой поселенческой общины – второй по величине и первой по значению немецкой общины в Африке южнее Сахары. С 1884 по 1915 г. Намибия была германским протекторатом, называвшимся Германской Юго-Западной Африкой. В те годы в стране и сложилась немецкая поселенческая община. В годы южноафриканского правления в Намибии (1915–1990) немецкая община прошла через два интернирования, автоматическую натурализацию, борьбу за сохранение немецких школ и немецкого языка и пр. Ныне немцы в Намибии составляют, по некоторым подсчетам, до 40 тыс. чел. – около половины численности белых в стране, в которой, по оценке, всего живет чуть больше 2 млн. чел.

Результатом той поездки стали несколько статей – научных¹, в том числе в «Этнографическом обозрении»², и популярных³, а самое главное – книга об истории немцев в этой стране⁴. Было несколько публикаций и за рубежом – во-первых, в самой Намибии⁵, а во-вторых, в материалах XVIII Международного конгресса исторических наук (Монреаль, 1995 г.)⁶, где мой доклад был включен в одну из трех «главных тем» – «Народы в диаспоре».

Что изменилось за эти 10 лет? Это ведь было первое десятилетие независимого развития. Первый знак независимости – собственная валюта, намибийский доллар с портретом героя антиколониальной борьбы рубежа XIX–XX вв. Хендрика Витбоя. Деньги эти получили хождение взамен прежнего южноафриканского ранда, но привязаны к нему (меняются один к одному) и вместе с ним подвержены инфляции – ныне за один американский доллар дают около восьми намибийских, а 10 лет назад – около трех рандов.

С одной стороны, в городах стало явно больше богатых чернокожих граждан, ездящих на дорогих «Мерседесах» и живущих на недавно появившихся огромных виллах. С другой стороны, значительно возрастает число бедняков. Государство стре-

мится развивать социальные программы: строит дешевое жилье, проводит водопроводы и т.д., однако средств на все не хватает. Тем не менее заметно желание поддерживать материально интеллигенцию, среди которой большую долю также составляют чернокожие граждане страны.

В жизни немецкой общины изменений мало. Как и прежде, этнические немцы негласно занимают основные командные высоты в экономике страны, ежедневно выходит газета «Альгсмайне цайтунг»⁷, каждый день с утра до вечера национальная телерадиокомпания ведет вещание на немецком языке (кстати сказать, на радио взяли у меня часовое интервью, которое прозвучало в прямом эфире, затем его вкратце пересказала газета). Мои друзья фермеры Шольцы по-прежнему разводят прекрасных коров мясной породы, которые, как и раньше, находят сбыт. Правда, теперь разводят еще и местную короткошерстную породу овец – также на мясо.

По-прежнему в центре столицы страны – г. Виндхука – стоит «памятник немецкому всаднику», поставленный в честь тех, кто погиб в боях с восставшими против чужеземного господства африканцами. А чуть ниже, на главной улице города, много лет называвшейся Кайзерштрассе и лишь в 1990 г., после достижения страной независимости, переименованной в Индепенденс-авеню – все так же стоит памятник Курту фон Франсуа, немецкому офицеру, приведшему сюда первых солдат империи в 1889 г. По-прежнему едва ли не самой престижной школой страны остается DHPS – Немецкая высшая частная школа. Продолжают функционировать Научное общество в Виндхуке, Общество научного развития в Свакопмунде, добровольные объединения частных лиц немецкого происхождения. Музей в Свакопмунде – принадлежащий Обществу научного развития, стараниями последнего разрастается, экспозиционные площади и число экспонатов увеличиваются.

И все же в жизни немецкой общины последнее десятилетие XX в. не обошлось без перемен. Так, рядом с «памятником немецкому всаднику» установлена памятная доска, где отдается дань памяти всем намибийцам – жертвам борьбы за мир и демократию в стране со времен колонизации. Эта мемориальная доска установлена по призыву немецкой общины в 1993 г. на деньги, которые пожертвовали намибийские немцы. В престижнейшей немецкой школе, куда меня пригласили прочитать лекцию, я увидел не только европейские лица, как это было раньше. Мой друг фермер Ханс Шольц, владевший двумя фермами, продал одну из них, поскольку ходят разговоры о возможной экспроприации земель белых фермеров, причем в первую очередь тех, кто имеет более одной фермы.

О некоторой динамике этнического самосознания немецких поселенцев в Намибии через 10 лет после получения ею независимости могут дать известное представление результаты проведенного мной повторного анкетирования. Анкеты, составленные 10 лет назад в результате предварительных бесед с представителями немецкой общины⁸, были повторно распространены практически в том же виде – с добавлением лишь одного вопроса. Несмотря на ограниченность привлеченных материалов, я все же хотел бы сделать некоторые выводы.

В 2001 г., как и в 1991 г., анкетирование проводилось в городах Свакопмунд и Виндхук среди представителей немецкой общины, собравшихся на мои лекции, прочитанные по просьбе местных немецких научных обществ. Вот какие получились результаты (в скобках для сравнения даны итоги опроса 1991 г.).

В обоих случаях на лекциях присутствовали по 40 с лишним человек, согласились дать ответы на заданные вопросы примерно 50% (70% – 10 лет назад) присутствовавших.

Среди респондентов уроженцев Намибии было 20 (30) чел., т.е. 46,5% (44,12%), а приехавших в страну, т.е. поселенцев в первом поколении – 22 (38) чел., т.е. 51% (55,88%).

Вот как распределились уроженцы Намибии по поколениям: второе (въехали в страну родители) – 6 (17) чел. – 30% (56,67%); третье (въехали в страну деды) – 8 (7) чел. – 40% (23,33%); четвертое (въехали в страну прадеды) – 4 (3) чел. – 20% (10%).

Кроме того, были и дети от разных поколений иммигрантов, т.е. один из их родителей въехал в страну, а второй был ее уроженцем. Таких оказалось еще 2 (3) чел. – 10% (10%).

Важным для определения этнического самосознания немецких поселенцев был вопрос: «Кем вы считаете себя?». Предлагалось три варианта ответа: немцем, немецкоязычным жителем ЮЗА (самоназвание, сложившееся еще в 1920–1930-е годы) и, наконец, намибийцем.

Ответы распределились следующим образом: «немцем» 10 (14) чел. – 23,2% (20,6%); «немецкоязычным жителем ЮЗА» 11 (36) чел. – 25,6% (52,96%); «намибийцем» 9 (5) чел. – 21% (7,35%).

Однако для кое-кого этот выбор оказался не так прост: некоторое число респондентов – 5 (9) чел. – 11,6% (13,24%) выбрали одновременно второй и третий варианты ответа. 4 (1) чел. – 9,3% (1,47%) тоже дали двойственный ответ, но в другом варианте: «немецкоязычный намибиец». Вариант «немец и намибиец одновременно», который дал в 1991 г. 1 респондент (1,47%), в 2001 г. отсутствовал. Зато был ответ «немец по паспорту, но вообще-то – немецкоязычный юго-западянин») – через брак. Следует заметить, что за 10 лет независимости количество ответов «намибиец» возросло с 7,35 до 21%. В 1991 г. это слово с трудом приживалось среди немецких поселенцев, многие произносили его с большой неохотой.

Таким образом, части немецких поселенцев в Намибии, особенно тех, кто приехал туда не так давно, присуща некоторая двойственность в самосознании. Эту двойственность отмечал и намибийский ученый Г.Тётемайер. Одним из результатов его полевых исследований еще в 1984 г. была констатация существования у немецких поселенцев «двойной идентичности», т.е. их самоощущения как немцев и жителей ЮЗА одновременно. Однако он полагает, что такая двойственность самосознания немецких поселенцев присуща практически всем им; более того, она сохраняется, по его мнению, на момент исследования как основное препятствие на пути их интеграции в новое намибийское общество⁹.

Впрочем, сама идея интеграции в новое общество претерпела за истекшее десятилетие важные изменения. Об этом, в частности, свидетельствует статья Х.-Э. Штаби и Х. Мельбера «О роли немецких намибийцев», опубликованная в «Африканском календаре родины» за 2001 г.¹⁰ – периодическом издании немецкой общины, выходящем уже много десятилетий.

Характерно уже то, что эти два автора, накануне независимости Намибии в 1989–1990 гг. резко высказывавшиеся против друг друга как представители противоположных политических лагерей – соответственно консервативного и проСВАПОВского, пишут статью в соавторстве. Они подчеркивают, что некоторые политические различия у них остаются, однако их объединяет осознание одного несомненного приоритета: «дух и буква международных прав человека являются неотъемлемой предпосылкой свободы»¹¹.

Одно из главных положений статьи – мысль о том, что представители «немецкоязычной группы населения» (именно этот термин употребляют авторы) вовсе не должны отказываться от своей идентичности для интеграции в новое общество. «Члены какого-либо меньшинства могут стать вполне лояльными гражданами государства в составе более крупной общности и несмотря на сохранение собственной идентичности», – подчеркивают они¹².

Таким образом, вместо лозунга «Одна Намибия – одна нация», выдвигавшегося СВАПО накануне независимости, предлагается лозунг «Единство в многообразии», что, как подчеркивают авторы упомянутой статьи, включает в себя и «многообразие идентичностей в рамках собственной языковой группы»¹³.

Следующий вопрос распространенной мною анкеты был сформулирован так: «Считаете ли вы, что немцы, живущие в Намибии, имеют определенные отличия от немцев, живущих в Германии?» Подавляющее большинство респондентов – 41 (64) чел., т.е. 95,3% (94,12%) дали положительный ответ на этот вопрос.

отрицательно ответили 2 (3) чел., т.е. 4,6% (4,42%) и только 1 чел. затруднился ответить.

В итоге абсолютное большинство опрошенных немцев – как уроженцев страны, так и иммигрантов в первом поколении – считает, что немецкие поселенцы в Намибии отличаются от жителей своей исторической родины. Однако респонденты не были так единодушны, когда им предложили эти отличия сформулировать.

Смогли хоть как-то сформулировать, чем же отличаются немцы в Намибии от немцев в Германии, далеко не все – 27 респондентов (50), т.е. 62,8% опрошенных (73,53%). Не смогли этого сделать 16 опрошенных (18), или 37,2% (26,47%). Там, где ответы имелись, они были сформулированы по-разному: кто-то отделался одной фразой, кто-то написал целое мини-сочинение, отметил сразу несколько отличий. Анализ ответов (% подсчитан к общему числу сумевших вообще сформулировать отличия) дает следующую картину: чаще других – в 6 анкетах, т.е. у 22,2% (10%) опрошенных – были упомянуты в разных вариантах *языковые отличия* намибийских немцев от живущих в Германии, в том числе просто знание большего числа языков.

По 4 чел., или 14,8%, считают, что намибийские немцы более консервативны (30%), более терпимы, более сознательно относятся к жизни, гордятся своими предками, тем, что они – немцы. По 3 чел., или 11,1%, упомянули такие отличия намибийских немцев: более широкие взгляды, ближе к природе (4%), меньшие потребители (10%), более гостеприимны (6%), не так самодовольны, у них другие политические взгляды, у них другой образ жизни (6%), ведут постоянную борьбу за существование. По 2 чел., или 7,4% респондентов, упомянули такие отличия: менее застрессованы, более открыты. Приведем другие варианты ответов: жестче, менее подвержены американскому влиянию, другое образование, другое воспитание, живут сегодняшним днем, не так избалованы.

Как видно, все эти качества (даже консерватизм) рассматриваются немецкоязычной группой населения Намибии как положительные. Отрицательное качество в анкетах упомянуто лишь одно – «имеют ограниченные исторические знания». Оно упомянуто, однако, участвовавшим в анкетировании жителем Германии, приехавшим в Намибию в гости.

Упоминания заслуживает еще одна ремарка, не являющаяся прямым ответом на поставленный вопрос: «Добровольно я никогда бы не вернулся в Германию». Это написал выходец из Германии, живущий в Намибии более 50 лет.

Сравнение ответов об отличиях немцев Намибии от немцев Германии с результатами опроса 10-летней давности выявляет несколько характерных тенденций. Наиболее часто упоминаемые 10 лет назад отличие – большой консерватизм (30%) – ушло на второе место – 14,8%. Теперь на первом месте оказалось упоминание отличия по языку (22,2%). В ряд чаще всего упоминаемых ныне отличий наряду с консерватизмом попали также терпимость, более сознательное отношение к жизни и гордость за немецких предков – по 14,8%. Эти качества (кроме последнего) 10 лет назад в анкетах практически не упоминались вообще. В третьей по частоте упоминания группе – 11,1% – ответов значительно больше сходств с результатами опроса 10-летней давности – в ней находим такие качества, как «меньшие потребители» (10%, т.е. вторая по частоте группа предыдущего опроса), «более гостеприимны», другой образ жизни» (по 6%, т.е. также третья по частоте группа ответов предыдущего опроса) и близость к природе (4%, т.е. четвертая по частоте упоминаний группа предыдущего опроса). Однако и в этой группе присутствуют качества, практически не упоминавшиеся 10 лет назад – «более широкие взгляды», «не так самодовольны», «ведут постоянную борьбу за существование».

Отличия, составляющие четвертую по частоте упоминаний группу: «менее застрессованы», «более открыты» (7,4%) также практически не упоминались в анкетах десятилетней давности.

Еще одно отличие, бросающееся в глаза, – практическое отсутствие негативных отличий у намибийских немцев. Если в ходе прошлого опроса указывались такие их

качества, как «меньшая самостоятельность», «худшая информированность», «меньшая интернационалистичность», «большая провинциальность» (по 2%), то ныне намибийским немцам поставлен в вину только меньший объем исторических знаний. Зато появилось значительно больше упреков немцам, живущим в Германии: тут и подверженность американскому влиянию, и эгоизм, и упоминавшееся ранее потребительство, и избалованность.

Таким образом, можно констатировать, что за последние 10 лет в менталитете намибийских немцев произошли значительные изменения. Важное значение для них приобрели такие качества, как терпимость, открытость, сознательное отношение к жизни. Сохраняют свое значение близость к природе и гостеприимство. Все более негативные ассоциации вызывает у них жизнь в Германии, где многие из них часто гостят.

Основные особенности, отличающие немецких поселенцев в Намибии от жителей их исторической родины, по их же собственному мнению, лежат в области языка, культуры, образа жизни, быта. Это же замечают и сторонние наблюдатели, в том числе автор этих строк.

В отечественной этнологии «территориальные части народности или нации, отличающиеся локальной спецификой разговорного языка, культуры и быта (особое наречие или говор, особенности материальной и духовной культуры, религиозные различия и т.д.), имеющие иногда самоназвание и как бы двойственное сознание, предложено именовать субэтносами»¹⁴. На основе наблюдений и анкетирования 10-летней давности я пришел к выводу, что намибийских немцев следует считать субэтносом немецкой нации¹⁵. Полагаю, что этот вывод справедлив и ныне.

Таким образом, приходится признать, что немцы в Намибии являются субэтносом немецкой нации. Главная задача этого субэтноса, как и других этнорасовых групп Намибии, – найти свое место в новом демократическом обществе и внести свой конструктивный вклад в его становление и развитие.

В связи с этим особый интерес представляет вопрос, на который я предложил ответить в нынешней анкете: «Каким вам видится будущее немецкоязычной группы населения Намибии?» Были даны три варианта ответа: «позитивным», «негативным» и «сомнительным». Ответы распределились следующим образом: 21 чел. (48,8%) признали его позитивным, 1 чел. (2,3%) – негативным и 20 чел. (46,5%) – сомнительным. Полагаю, третий вариант ответа – «сомнительным» – по смыслу можно считать скорее негативным, чем позитивным.

Подводя итоги, можно констатировать: за 10 лет независимости Намибии намибийские немцы по-прежнему остаются субэтносом немецкой нации. Но он приобрел некоторые новые черты: появилось, хотя еще и не окончательно утвердилось, новое самоназвание – «немецкоязычная группа населения». Хотя экономически намибийские немцы по-прежнему чувствуют себя относительно уверенно, в политической жизни у них этой уверенности значительно поубавилось. Прилагая большие усилия к интеграции в новое намибийское общество, путь к ней они видят не в утрате, а, наоборот, в сохранении своей идентичности, своих культурных особенностей как субэтноса. В целом же на свое будущее в Намибии они смотрят скорее пессимистично, чем оптимистично.

Примечания

¹ Балезин А.С. Немецкая община в Намибии: основные этапы формирования // Восток. 1992. № 5. С. 28–43; *Он же*. Намибийский национальный архив: документы и материалы // Вест. Московского университета. Сер. 13. «Востоковедение». 1996. № 3. С. 47–53.

² Балезин А.С. Немецкая община в Намибии: к вопросу о формировании субэтноса (по материалам полевых исследований) // Этнограф. обозрение. 1992. № 5. С. 64–75.

³ Балезин А.С. Намибийская ферма // Вокруг света. 1993. № 1. С. 10–13.

⁴ Балезин А.С. Цивилизаторы в стране дикарей? Формирование и эволюция немецкой поселенческой общины в Юго-Западной Африке/Намибии. 1814–1990. М., 1996.

⁵ Die Namibia-Deutschen über sich selbst (Einige Ergebnisse der Bearbeitung der Fragebögen) // Museum. Gesellschaft für wissenschaftliche Entwicklung. Swakopmund, Namibia. 1992. Jg. 24. H. 2. S. 30–32.

⁶ Balesin A. The German Community in South West Africa/Namibia from the Beginnings to 1990 // 18th International Congress of Historical Sciences. Proceedings. Montreal, 1995. P. 124.

⁷ Allgemeine Zeitung, Windhoek.

⁸ Подробнее см.: Балезин А.С. Цивилизаторы в стране дикарей? С. 227–233.

⁹ Tötemeyer G. Ethnicity and National Identity: Complementary or Contradictory Concepts? // Identity and Role of the German-Speaking Community in Namibia. Rehoboth, 1993. P. 15 ff.

¹⁰ Stabi H.-E., Melber H. Zwischen WiKa und CoD: Zur Rolle der Deutsch-Namibier // Afrikanischer Heimatkalender. Windhoek, 2001. S. 59–67.

¹¹ Ibid. S. 59.

¹² Ibid. S. 64.

¹³ Ibid. S. 62.

¹⁴ Этнические процессы в современном мире. М., 1987. С. 11.

¹⁵ См.: Балезин А.С. Немецкая община в Намибии. С. 64–75.

A.S. B a l e z i n. Namibian Germans on Themselves and Their Future

Contemporary situation in Namibian German origin whites community, former German South-West Africa, is characterized. A survey data of January – February 2001 are compared to a survey of 1991 to reveal the ethnic identity change during ten years of Namibia independence. The author stresses that Namibian Germans remain a subgroup of the German nation, although a new name 'German-speaking group of Namibian population' has gradually displaced the old 'German-speaking resident of the South-West'. A share of Germans who consider themselves to be Namibians has substantially grown, but the idea of integration into the new society has undergone change from the principle of «One Namibia – one nation» to the principle «unity in diversity». Generally, the German settlers feel themselves less confidently than right after independence attainment and look for the future with less optimism.

© 2002 г., ЭО, № 4

В.Е. Кукушкин

СЛАВЯНСКАЯ ТРУДОВАЯ ЭМИГРАЦИЯ ИЗ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ В КАНАДУ В НАЧАЛЕ XX в.

Начало XX в. вошло в мировую историю как период грандиозных трансконтинентальных миграций. Ни до, ни после история не знала сравнимых по масштабам перемещений населения между Старым и Новым Светом. Гонимые безземельем, национальным или религиозным гнетом, миллионы европейцев различных национальностей и вероисповеданий устремлялись за океан в надежде обрести там лучшую долю. В отличие от иммигрантов начала и середины XIX в., в основном оседавших на земле, большинство так называемых новых иммигрантов приезжало на временные заработки, будучи осведомленными о несравнимо более высоких ценах на рабочую силу на североамериканском рынке труда. К началу столетия европейская иммиграция превратилась в главного поставщика дешевой рабочей силы для североамериканской промышленности, которая к тому времени вступила в завершающую стадию перехода к механизированному производству, требовавшему больших затрат низко- и среднеквалифицированного труда.

К концу XIX в. изменился не только социально-демографический состав иммигрантов, но и география миграций. Если ранее основными странами-донорами являлись Великобритания (в особенности Ирландия), Германия и ряд других государств Западной и